

мыслей. Я заметил сие достопамятное место, где я сделал первое наблюдение и со удовольствием к нему возвращался. С тех пор природа, которая прежде для меня будто не существовала, приняла на себе самый привлекательный образ.

л. 71 Я любил провождать взором солнце, от мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое паки погружается в волны. Ночь, сияющая несчетными звездами, || вливая спокойствие в чувства, возводила душу мою к величественным мечтаниям. Внимая только порядку природы, видя в уреченный час беспрестанно возвращающееся солнце, по-мрачающиеся звезды, непрерывающееся биение ключей, растение деревьев, я готов был отгадать создателя их. Солнце и луна повинуются законам: конечно есть законодатель, рассуждал я сам в себе...

Между тем округ понятий моих становился час от часу обширнее. Я различал вещи: я постигал движение, которое беспрестанно переменяет их образ. Я сравнивал два понятия, совокуплял их и делал заключения. Я часто обманывался, но наблюдение сих самых ошибок служило мне вперед к поправлению моих рассуждений...

Однажды, в знойный полдень, внезапно горизонт помрачился. Свирепый ветер пробежал землю и всколебал воды. Громы ударяли друг за другом. Бедственная молния проразжала тьму мгновениями... Я трепетал, поверженный на землю, но самый трепет мой || нарицал, кажется, во глубине сердца моего, имя того Существа *вышнего*, которого благость обожал я в спокойствии прекрасной природы...

л. 70 об. Скоро буря утихла. По рассеянии мглы воздушной несколько кораблей появилось перед нами. Они отнесены были от флота Никия, полководца Афинского, который с воинством обходил Сицилию. Добрые мореходцы сжалились над нами и взяли нас на корабль. Мы были признаны уроженцами Афинскими.

Какое удивление может сравниться с моим, когда я в первый раз увидел сии великие громады, движущиеся по волнам; но еще более, когда предоставилось мне человеческое общество, которое прежде заключалось в нас двоих, когда услышал я голос и разговор человека? Долго казалась мне речь слитною и непрерывною. Мало-помалу зачал я различать отдельные образования голоса, или слова. Я понял, что к каждому из оных присоединено некоторое понятие. Тогда все способности души моей перенеслись, кажется, в чувство слуха, и средством памяти и внимания я научился понимать и говорить.

л. 70 Всем известно, что Алкивиад был отозван от начальства обратно в Афины. Он взял || с собою меня и попечителя моего, который перестал уже быть невольником, стал избавителем моим и другом. Народ пожаловал его правом гражданства и ввел меня во владение родительских имений. Препоручен Алкивиадом мудрому Сократу, я рассказал ему постепенные усилия и успехи разума моего в познании самого себя. ||